Потемкина, причем в 1784 г. был определен Потемкиным в Военную коллегию, в качестве заведывающего иностранной перепиской и переводчика с польского языка деловых бумаг. В этой должности Рубан дослужился до чина коллежского советника (см. Б. Модзалевский. В. Г. Рубан, СПб., 1897).

Рубан — один из самых усердных и плодовитых литературных работников второй половины XVIII в.: переводчик, поэт, автор статистических, географических и исторических статей, специалист по сочинению надгробных и других надписей и издатель нескольких журналов. Но современники знали не только официальную и печатную сторону деятельности Рубана. В. Капнист писал

Но можно ли каким спасительным законом
Принудить Рубова мириться с Апполоном,
Не ставить на подряд за деньги гнусных од
И рылом не мутить Кастальских чистых вод?[1]
(«Сатира I»)

Очевидно, что Капнист не имел здесь в виду рубановских од в честь побед Суворова, или «... на кончину ее светлости Евдокии Борисовны, владеющей герцогини Курляндской и Семигальской», или «На день рождения Императрицы Екатерины II»:

Узрев рожденья день на свет Екатерины,
Покрылись зеленью и горы, и долины,
И небо, и земля, и сонм огней и вод.
И церковь, и чертог, и войско, и народ
Приемлют радостны торжествованья виды,
Питомицу зря муз и Марса, и Фемиды,
Возведшую с собой на августейший трон
Науки, ремесла, художества, закон...

Все это могло быть как угодно бездарно, но в конце концов ничем принципиально не отличалось от оды вообще. Капнист очевидно намекает на специфическую подносную поэзию Рубана, в значительной своей части рукописную.[2]

«Гнусная ода» отличалась от торжественной оды, прежде всего, отсутствием одической абстрактности и перифрастичности,

[1] Ср. отзыв Д. И. Хвостова: «Рубан не иначе восходил на Парнас как для прославления богатых и знатных особ».

[2] Впрочем, и среди печатной продукции Рубана можно указать весьма своеобразный опыт. А именно «Дифирамб пану Фаддею Костюшке, раз-